

-АНТОНИНА Ивановна, для начала расскажите, пожалуйста, о ваших педагогах.
— Сначала я поступила в ГИТИС на курс Ольги Пыжовой, замечательной артистки МХАТа, откуда меня выгнали за «профнепригодность». Никому ничего не сказав, я поступила в Щукинское училище на курс Орочко. Отношения у нас с ней не складывались. Она меня не любила. Говорила: «Что это за девка с окраины?!» В 1954 году я закончила училище, и меня сразу пригласили в Центральный детский театр. Это было счастье, потому что за год до этого туда пришел Анатолий Васильевич Эфрос...

— Что это было за время?
— Хо-р-р-рошее было время! Публика в наш театр ломилась! И дети, и взрослые. То, что мы делаем, было важно и для нас, и для зрителей, и для драматургов. Вы представляете, когда я сыграла Лидию Михайловну в спектакле Эфроса «Друг мой, Колька!», «Учительская газета» подала на меня в суд за то, что я «порочу честь педагогов»?!!
— Чем увлек вас тогда ЦДТ?
— Замечательной атмосферой. Всё пропитано творчеством с утра до ночи. Ведь мы играли по три спектакля в день! И репетировали

Малой Бронной, наконец. Сильно они отличались?
— Ка-а-а-нечно! Конечно!! В ЦДТ мы были молоды. Оптимистичны. Анатолий Васильевич постоянно острый, готов был работать дни и ночи. Потом он как-то становился все мрачнее и мрачнее. Забот добавлялось. А потом нас выгнали из Ленкома. «В какой-то переулок, на какую-то Малую Бронную! В захолустье...»
— Анатолий Васильевич так считал. Егорычев — не знаете, кто это такой? — крупный партийный руководитель, главный у Гришина по культуре, вызвал его к себе, чаем поил, а потом сказал: «Вот вам сцена, возьмите с собой десять человек и экспериментируйте себе на здоровье. Там вас никто не тронет». Анатолий Васильевич так до конца и не смог пережить этот удар. Да и все мы тоже.
— Многие из людей, следовавших за Эфросом на Бронную, потом ушли из театра?
— Да, Ширвиндт, Миша Державин. Многие... Збруев, например, был на Бронной ровно секунду. Пришел туда, окинул взглядом... Больше его там никогда не видели. Да сам Эфрос нам рассказывал: «Я иду в театр и вижу, как человек в полосатой пижаме с помойным ведром улицу переходит!!!» Для него это было настоящей трагедией.
— Театр тогда был в упадке. Гончаров ушел. Это потом все по-

совершенно все равно, главные ли роли играть, эпизодические — лишь бы с этим режиссером, с этими партнерами?
— Ну, главные... все же главные. С другой стороны, я же характерная актриса, в эпизоде мне было легче что-нибудь придумать, как-то его повернуть, чтобы запомнился. Хотя... Эфрос поставил «Дорогу», и мне в ней досталась роль Плюшкина. Я была возмущена страшно. Ходила за ним и приставала: «В чем дело, зачем вы мне ее дали?» Он: «Мне так захотелось», — и все тут. Я выходила на сцену, и мне было ужасно стыдно, я в зал посмотреть не могла. А он, ну как нарочно, все время выдвигал меня на первый план.
— Какой театр был для вас самым счастливым?
— Ленком!!! Какой там тогда прекрасный состав подобрался! В наших спектаклях с удовольствием играли «старички»: Гиацинтова, Вовси, Пелевин. Большая сцена, публика нас обожала, ломала двери, чтобы попасть на спектакли. Недолго это продолжалось. Всего три с половиной года.
— Когда Анатолий Васильевич понимал, что пора снимать спектакль?
— Да он никогда их не пересматривал! Он так считал: выносил я спектакль, родил, и «гуляй дитя». А что там с ним происходит — не важно. В Ленкоме мы «День свадьбы» возили по таким площадкам, что не приведи Господи!

ДАЙТЕ МНЕ АТМОСФЕРУ!

«Такого театра больше нет», — уверяет народная артистка России Антонина Дмитриева

Резюме: «Учительская газета», 1998, 2 апр. с. 7

по ночам — времени больше не было. На эти репетиции приходили актеры из других театров. А сейчас? Кого у нас заставишь репетировать ночью? Но самое важное — у нас была команда! В других театрах труппы, а у нас — команда. Сейчас этим никого не удивишь, но тогда это было потрясающе ново.

— А как Анатолий Васильевич репетировал?
— Мы приходили на репетицию. И начинали разбирать. По действию. Например, «Ромео и Джульетта». Потом он, обращаясь ко всем, спрашивал: «Кто хочет играть Тибальда? А Джульетту?» Я кричу: «Хочу Тибальда!» А кто-нибудь из мужчин: «А я Джульетту!» Дело было не в том, кто кого играет, а как мы поняли разбор. Я на этих репетициях все роли переиграла! Где еще найдется такая возможность для актера? И в результате получался спектакль, только без слов. Выучив текст, мы могли спокойно выходить на сцену. Это было дико просто. Как все гениальное... «Друг мой, Колька!» был дипломным спектаклем студии при ЦДТ. Представляете, на одном спектакле за год он из этих мальчишек — Лакирева, Сайфулина — сделал настоящих артистов! Это каким же потрясающим педагогом надо быть! Поэтому у него актеры никогда плохо не играли. Кто-то ярче, но плохо — никто.

— А вы пробовали преподавать?
— Пробовала, что вы! Пробовала. Пришла в Щукинское училище поставить отрывок из пьесы «На дне». Это был ужас, ужас! На экзамене они делали все не так, как мы репетировали. Мне все время хотелось выйти и сыграть самой. Ну, в общем, сбежала я. Потом три дня в постели лежала. Заболела. Так что преподавать — нет, разве подсказешь партнерам что-нибудь.

— И слушает?
— Ну, конечно. Всем ведь хочется хорошо сыграть. А я знаю. Всегда всю жизнь с Эфросом... Когда у Гиацинтовой был юбилей, я пришла ее поздравить. Стала желать счастья, долголетия, а она мне говорит: «Ролей, Тонечка, ролей!» Я думала: ну и ну! Это в 80-е лет? Ролей? Я только сейчас поняла, как она точно сказала. Понимаете, роли продлевают нам жизнь. Мозги просыпаются, которые уже было заснули, чувства какие-то возникают. Будто снова возвращаешься к прежней своей форме. Правда, с ролями у меня сейчас плохо.

— А если бы вдруг...
— Ой, что вы! Да нечего играть! Режиссеров — нет! Драматургов — нет! Да наша жизнь сейчас гораздо интереснее театра, это же настоящий театр абсурда! А критики... Раньше критики нам объясняли наш замысел. Помню очень талантливую статью Инны Соловьевой в журнале «Театр» о спектакле ЦДТ «Бывшие мальчишки», где я играла эпизод. Как точно она определила жанр моей роли — «бытовой гротеск». Тогда это было очень ново.

— Расскажите, пожалуйста, об Александре Леонидовиче Дунаеве.
— Дунаев был фигурой драматической. Он ведь был очень добрый. Если у нас долго не было работы, можно было прийти к нему в кабинет и сказать: «Давайте поставим «Волки и овцы!» Он надолго задумывался, а потом говорил: «А что? Давайте». И сразу же распределял роли. С ним было легко. Он ставил легкие задачи. Он очень доверял актерам. Безгранично. А вообще он как бы прикрывал Эфроса. Тому было все позволено, он ставил классику. А Дунаев как главный режиссер театра обязан был ставить к праздникам, делать подарки к датам. С него требовало начальство.
— С Анатолием Васильевичем вы проработали всю жизнь. Но был Эфрос ЦДТ, был Эфрос Ленкома,

степенно наладилось. Стали ставить классику.
— Если вернуться к ролям — была ли у вас любимая?
— Да, конечно. Нюра в «Дне свадьбы». Интереснейший характер: профсоюзный работник, которая влюбилась и в день свадьбы отпускает своего жениха. Пятят мне говорил, что он запомнил в своей жизни два крика: как Остужев кричал в «Отелло» и как Дмитриева кричала: «Отпускаю!» в «Дне свадьбы». Очень мне это приятно было. Все же — я и Остужев...
— А с кем вы больше всего любите играть?
— С Круглым. Вы, наверное, и не знаете, кто это такой?
— Ну, как же! Артист Лев Круглый. В Ленком пришел из «Современника»...
— Вот, вот. Так это здорово у нас с ним в «Дне свадьбы» получалось. Как в пинг-понге. Я ему реплику, он — мне. Я — ему, он — мне.
— А с Ольгой Яковлевой?
— Ну, это немного иное. Она все же одеяло на себя тянула. В настоящей игре все на равных. А когда тебе говорят, что я, мол, играю, а вы мне подыгрываете, то это уже не игра, а... «соло». Когда мы играли «Брата Алешу» — я мамашу, а она дочку (Хохлаковых), — интересный у нас иногда диалог получался. Она мне орет: «Мама!!!» Я: «Что, дочка?» — «Ну, мама!» — «Да что тебе!» И так огромный кусок, ну совершенно не по Достоевскому... За кулисами скандал. «Тоня, в чем дело?!» — «А в чем дело?» — «Ты же мне реплику не дала! Я не могу так играть!!!» Я говорю: «Ну и что?»
— Так получается, что вам было

Подходить к нему: «Анатолий Васильевич, ну играть же невозможно!» Он: «Это не ко мне». Вот только с «Женитьбой» удивительный был случай. Странно, что он ее еще раз поставил...
— «Женитьба» в ЦДТ и на Малой Бронной отличались существенно?
— Конечно! В первой было найдено решение. Это был водевиль. Чистый. Да, в конце я там плакала, но все равно. Во второй все было серьезно. Ведь трагедия уже в фамилиях, если вдуматься. Он в последнее время всегда говорил, что надо идти от автора. Когда Эфрос умер, я решила, что все. Что кончился театр, умерла я, что умерло все вообще. Такого театра ведь больше нет. И не будет. Лет через пятьдесят, разве что, так мы не доживем... Может, это и хорошо, можно черту подвести.
— Вы ходите сейчас в театр?
— Нет. Раньше, в молодости часто, а теперь совсем не хожу. Мне неинтересно, скучно! Только один мне понравился, хотя вроде бы не должно, сама ведь играла... «Волки и овцы» у Пети Фоменко. Так это было здорово, свежо... Сцена, когда они приходят из церкви... Ну, потрясающе! Лучше не придумашь! Видели? Вот это мой театр! Театр ведь должен создавать атмосферу... и я хочу, чтобы меня в эту атмосферу окунали. Создать атмосферу — самое трудное. Хотя обычно многого для этого не надо. Человек должен получать удовольствие от театра. Это же все несерьезно, это игра, забава. Это же как дети играют! Театр уносит тебя в другой мир. И в нем тебе должно быть даже не страшно, а невероятно, приятно!

Фото Ольги Чумаченко

ИЗ ДОСЬЕ «НГ»
Дмитриева Антонина Ивановна — народная артистка России. По окончании Щукинского училища в 1954 г. работала в Центральном детском театре. В 1963–1967 гг. — в Театре им. Ленинского Комсомола. С 1967 г. и по сей день — в Театре на Малой Бронной. Играла в спектаклях «Друг мой, Колька», «Женитьба» (ЦДТ), «День свадьбы», «Что тот солдат, что этот», «Чайка» (Ленком), «Ромео и Джульетта», «Женитьба», «Впервые замужем», «Волки и овцы», «Дорога» по «Мертвым душам» Н.В. Гоголя (Театр на Малой Бронной).
Сейчас ее можно увидеть в роли тети Саши в спектакле «Мой загляденье».